

ГАЛИНА САФОНОВА-ПИРУС

ИСКУСЫ ЭРОСА

ПОВЕСТИ

БЭТ
И
ЛИС

Галина Сафонова-Пирус

Искуссы Эроса. Бэт и Лис. Повести

«Издательские решения»

Сафонова-Пирус Г. С.

Искусы Эроса. Бэт и Лис. Повести / Г. С. Сафонова-Пирус —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832987-6

Повести «Искусы Эроса», «Бэт и Лис» — о любви, и в них автор-рассказчик пытается по собственным дневниковым запискам проследить сложные взаимоотношения своих героев. Время действия — середина-конец 80-х годов прошлого века.

ISBN 978-5-44-832987-6

© Сафонова-Пирус Г. С.
© Издательские решения

Содержание

Искусы Эроса	7
Глава 1. Линка	7
Глава 2. Я-Ядва и Линка	13
Глава 3. «Крымское Приморье»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Искусы Эроса. Бэт и Лис Повести

Галина Сафонова-Пирус

© Галина Сафонова-Пирус, 2016

ISBN 978-5-4483-2987-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искусы Эроса

Глава 1. Линка

– Да не спеши ты домой, подождёт твоя домашняя рутина. Давай пройдемся по скверу, присядем на лавочку вон под той липкой, взглянем на себя со стороны...

– А я уже взглянула. Смотри, разве не модно одетая женщина? В коротком пальтишке, черные брючки, черная шляпа с короткими полями. Будто бы все тип-топ, да?

– Но несколько седых волос, наглежащие морщинки у губ, да?

– Ага. Ну, никак лицо не подчиняется! Ведь хочу, ужасно хочу, чтобы беззаботно-радостным было! Ан, нет. Да и глаза... Недавно с Антоном в лес по ягоды ездили, так женщина, что в поезде напротив сидела, комплимент сделала, – молодое, мол, выгляжу, а вот о возрасте...

– Не догадалась?

– Не сразу... Глаза выдали.

Лина, Леноч, Линка...

Нет, мне больше нравится звать её Линка, с этим польским «ка» на конце, хотя в русском частица эта и придаёт имени... Наташка, Манька, Сашка... нечто пренебрежительное. А меня зовёт она Аннуш, (причём, «н» всегда немножко тянет), а почему именно так, точно не сказала, бросив: ты, мол, похожа... но на кого, не уточнила.

Живем с ней в одном подъезде, знакомы уже больше года и не сказать, что стали уж слишком близкими подругами, – как-никак она моложе меня на восемь лет, – но других со мной и с ней рядом нет, поэтому и тянемся друг к другу, встречаемся, болтаем об увиденном-услышанном, о мужьях, – я о бывшем, поэте, она о «настоящем», писателе, к которого «характер испортился», – вот уже с полгода не помогает ей ни-и в чём, грубит, и даже писать бросил.

Мы сидим как раз напротив детской площадки. Суета разноцветных детишек, их вскрики, смех... Как же успокаивает меня такое! Хочу и Линку увести от грустных мыслей, но кажется, она слишком глубоко нырнула в свою «тему».

– А тут еще эта моя раздражительность, утомлённость...

– И пожаловаться тебе, бедненькой, некому.

– Конечно некому. Антону как-то сказала: устаю, мол, а он: «Ты сама находишь себе дела, поэтому и перенапрягаешься».

– А, может, он прав?

– Ну как он может быть прав, Аннуш? Ведь завтраки-обеда-ужины, дети с уроками, дача с огородом, родной город босоного детства – по выходным, где старенькая мама, которой нужна моя помощь...

– А на работе – «этот десятый канал, который уже достал», и который...

– Ага. И зачем согласилась вести его? – встает со скамейки, поправляет поля шляпки: – Но в то же время, как было не согласиться? «Доверяю тебе раскрутить его» – начальник обрадовал.

– А ты и обрадовалась.

– Да не обрадовалась я, а...

– А что «а»? – улыбаюсь.

– А то «а», что надоело вытягивать беспомощные сценарии, вот и ушла туда, где их нет.

– «А на десятом аппаратура еще не освоена, помощники неопытные» – цитирую её, улыбаясь, чтобы как-то успокоить мою экспрессивную подругу, но она подхватывает:

– А я должна со всем этим справиться, да еще не перенапрягаться?

Браво, Линка! В этом коротком ярком пальтишке и шляпке ты – словно задиристый петушок... или курочка. Прелесть! Смотреть и слушать тебя сейчас так забавно! А, впрочем, как и всегда, и ты для меня – персонаж... правда, не знаю: чего? Рассказа, повести? И напишу ли, хватит ли, так сказать, «материала»?

Но наблюдать за тобой любопытно

– Ты представляешь! Антон-то вчера...

Она впархивает в едва приоткрытую дверь и сразу устремляется на кухню:

– Но вначале, пожалуйста, завари мне кофе.

Да-а, что-то случилось у Линки, лицо – в огне, в глазах – молния, а в руке уже – любимая кофейная чашка, которая под угрозой, – вот-вот уронит! – и, пытаясь спасти, беру поднос, осторожненько конфискую её и ставлю на него. А Линка уже разводит освободившиеся руки в стороны и опять слышу:

– Ты представляешь!? Сижу, припаиваю отвалившийся провод к антенне...

– А кроме тебя некому? – пытаюсь сбить её с темпа.

– А кому? Сыну некогда, а у мужа руки растут не оттуда, не умеет он и этого...

Ура-а, получилось! Она присела, поправила на подносе уже расставленные чашки, ложки, помолчала и:

– Так вот, сижу, паяю, а он входит... со шторой в руках: «Погладь, а то повесила не глаженую». Не знает, что штора отвисеться может.

– И впрямь, – улыбаюсь.

– Ну, я и отвечаю: ладно, мол, поглажу, вот только с антенной... А он и швырнул мне штору в лицо! Да еще ногой – по антенне, стулом – об пол...

Линочка!.. Бедная моя. Как же тебе сочувствую! Обалдел твой Антон что ли?

– Обалдел! – словно услышала: – Теперь не буду с ним разговаривать... два дня!

Ой, Линка, думаю, не выдержишь, такое я могла, но не ты. А, впрочем...

И всё же не разговаривала. Два дня. А когда на третий прямо с утра забежала ко мне, и я спросила: так в чем винил её муж, то и впрямь оказалось, что раздражала его невыглаженная штора.

– Наверное, слукавил твой Антон, – засомневалась я.

– Слукавил. – И снова попросила кофе. – Не в шторе дело, а в том, что «не исполнила «свой женин долг», как изволит выражаться, не пришла к нему по его желанию.

Да-а, подружка, положеньице у тебя... как и у меня когда-то, но об этом ей пока не скажу.

И еще несколько слов о Линке

Интересна она мне еще и тем, что весьма и весьма увлекающаяся особа. То, натачив в квартиру сучков, дощечек и коряг начнет вырезать из них нечто сюрреалистическое и пугающее, то из пластилина... и почему-то именно из темно-зелёного пластилина, налепит бюсты любимых артистов и писателей, а из гипса – странных животных, еще не открытых зоологами: рыбину на курьих ножках или наоборот – курочку с плавниками. Когда с восторгом показывает мне свой очередной шедевр, я теряюсь: ну что сказать то? И обычно ограничиваюсь улыбками, короткими репликами или междометиями: ой... ого... да-а... ой, какая... чудо!.. но никогда не скажу «фу», – боже упаси обидеть мою креативную подругу! Но если, увлечшись, неосторожно воскликну: а это, мол, что за зверь, то Лина сразу бросится объяснять замысел своего творения, а я тогда замолчу и сделаю вид, что да, мол, ой, мол, ну как же чертовски интересно!

А творений у Линки много, в тесноте лепятся они на всех полочках и тумбочках, и если вдруг кто-то приостановится над «плодами её творчества», то она, торопливо стряхнув пыль со своего детища, с радостью одарит им счастливчика. Правда, далеко не все задумки реализует до конца, и поэтому еще много озадачивающих начинаний, но так ведь... Понять могу: ну да, не зацепилось, не пошло. Ведь главное – не «конечный результат», а поиск, путь к этому самому «конечному» и можно... Но, кажется, отвлеклась я от Линки.

Но самое-самое её увлечение, которое зело... вельми... ну, в смысле очень меня интересует, так это её записки. Правда, делает она их от случая к случаю на девственно чистых перевертышах рекламных листков, но, когда читаю их... а показывает их мне всегда, ибо совершенно не дорожит ими. Так вот, когда вчитываюсь в эти небрежные каракульки, то нахожу в них нечто... Да нет, пишет она, конечно, неважно, язык банален, но схваченные моменты любопытны, так что всегда подмывает тут же переписать её, только что прочитанное, и... Короче, зацепившись за её короткие наброски, попытаюсь из этих эмоциональных письменных... да и устных выплесков написать то ли повесть, то ли рассказ, – на что «материал» потянет, – и в подмогу, персонажем номер два, возьму себя, – будто рядом была, незримо, – а поэтому от Линкиного оригинала мало что останется, но так ведь... Так что писать будем вместе с ней.

Она – на дачном участке. В голубых спортивных штанишках, в оранжевой майке, в красной кепке с огромным козырьком, из-под которой выбиваются светлые завитушки и поблёскивают темные глаза. Живая, яркая мишень для наблюдения. Глаз не отвести. Особенно, когда начинает злиться и отшвыривать от себя длинные пряди картофельной ботвы. И сейчас поведу с ней диалог... но для читателя обозначать начало фраз тире-знаками не буду, – зачем разбивать плавно льющийся текст? Итак...

Линка, похоже, что картошку берёшь ты штурмом.

Да. И одна. Третий день. За счет отгулов копаю эту дурацкую картоху!

Вот и хорошо. Копай себе, да копай, не думая о муже.

Копая её, копаю, но всё равно крутится одно и то же, крутится, как с заевшей пластинки: конечно, мог бы Антон половину забот взять на себя, ведь два года уже не «служит» как изволил выражается, свободного времени до хрена, но всё читает, читает! Он, видите ли, «самообразовывается». А я кручусь. С восьми утра и до одиннадцати вечера. И только в те минуты, когда наконец-то!.. ложусь спать, ощущаю себя счастливой.

Ну да, и тогда тебе уже не до эротических забав, а он...

А он... Да и не хочу, не хочу привычки в том, что называет «жениным долгом»!

Вот и не думай больше об этом, задуй, загаси свои грустные мысли, или... закопай вот здесь, вместо картошки.

Кстати, о картошке. Дура! Зачем сажала её! Куда теперь дену?

В подвал, Линочка, в подвал.

В подвал, который – в поле, и из которого могут украсть? Бывают же такие тупоголовые, как говорит сын и которые... как говорит муж, любят себя изнулять.

Глядя на тебя, вижу: уже изнурила.

Спина устала кланяться. Стать на колени и ползти с лопатой от куста к кусту?

Смешно будет – на тебя... Брось, не копай, побереги себя... для «женина долга».

А потом на коленях и-и – к «женину долгу»? Нет, надо копать стоя, а то стыдно будет.

Перед кем стыдно то?

Стыдно перед собой. Выкопаю её, а там... А там – будь, что будет. Покрадут эту картошку, померзнет она, но все ж...

Ну вот, видишь? Значит, прав твой Антон: вечно ищешь себе...

«Сама ищешь себе работу!» Ну да, ищу. И на кухне ищу, и на работе ищу, и когда по магазинам бегаю...

Опять заводишься?

Завожусь... Кыш, кыш, мои мысли нахальные!

И опять... Вот она наклоняется... вот с усилием давит ногой на лопату... выбрасывает очередной комок с клубнями, становится на колено, выбирает их из земли, кидает на межу, встаёт, наклоняется, давит, выбрасывает... Ох, Линочка, хотела бы помочь тебе, но... Ну, ладно, скоро кончишь, всего два ряда осталось.

Уф!.. Наконец-то последний куст. Слава богу! Теперь – под наши березы, спиной – на травку. И лежать буду целый час!

Ой, так уж и час? Через пятнадцать минут подхватишься.

Не, час не получится, домой пора. Скоро темнеть начнёт, так что во время ходьбы буду отдыхать и успокаиваться.

Но ведь было, было у тебя целых пять дней полного одиночества, солнца, тишины с шелестом берёз, озорных облаков, бирюзы неба!.. И уже идёшь своим любимым логом.

А в лого-то травка еще по-летнему изумрудна и над ней облаками – вершины желтеющих берёз, подсвеченных заходящим солнцем. Остановись, взглядишь в эти парящие березы, но только, пожалуйста, не заплачь от восторга, не надо!

Да-а, березы на взгорье такие красивые, что даже плакать от умиления хочется... а, может, от усталости. Но нет, не заплачу, в душе даже радость вспыхнула, – ведь победила же себя! Одна!.. выкопала всю картошку!

Ну да, ведь тебе обязательно нужны...

Ведь человеку просто позарез нужны победы! И не прав Антон, когда говорит: «Главное – не перенапрягаться».

А теперь она – на кухне

Обрезанные джинсы, клетчатая рубашка, лицо хмурое, волосы – в разные стороны... Что-то беспокоит её... со своим скарбом не в ладу, – сковородку суёт под полку наугад, вилку на полку – тоже... Линка, оглянись, твой Антон на кухню вошёл... ой, даже приобнял и:

– Ну, хватит, раскрепостись!

Да что ж ты так? Стряхнула руки, шарахнулась в сторону.

– Зато вы с сыном всегда раскрепощены! Ничего вас не касается! – А-а, это о кране на кухне, который опять течет. – Вы только и озабочены, как бы ни нарушили вашу комфортность! – Чего завелась то на него с пол-оборота? – Вы у нас – бере, а мы с дочкой плебейки у вас в услужении!

Что несёшь? Видишь, он улыбнулся и снова хочет приобнять.

– Ну тебя! Не успокаивай! Ты не умеешь этого делать. Лучше уходи.

Что ж гонишь? Человек ещё не завтракал.

– Вот... Салат, яичница.

В ванную? В зал, на балкон?

– Господи, хоть бы одной побыть!

Успокойся, Линка, он уже переодевается, сейчас уйдёт.

Слава богу!

Из-за тебя уйдет.

Из-за меня... Плохо. Я – стерва? Я – истеричка?

Да нет. Но...

Но как же плохо, что вот в такие дни после работы домой идти не хочется!

Но сегодня-то выходной.

Съездить на дачу? Там тишина, ложок, березки... Приеду, поздороваюсь с «растеньицами», как говорит мама, остепенюсь.

И впрямь, махни туда, природа всегда утешает.

И уже едет, в окно смотрит

Блин! Слезы – вот-вот!

Ничего, Линок, сейчас выйдешь, пойдешь... Ходьба успокаивает. Только не спеши, гляди по сторонам, видишь, вон-он там рябинка краснеет, подсолнухи над заборами тарелками желтыми виснут, а дымком-то как пахнет!.. Посмотри, какие стволы у молодых берёзок трогательные!

Но в листве уже оранжевые косички замелькали, да и в изумрудной траве...

И всё равно красиво.

Красиво, но грустно.

Да, грустновато, но... Берёзоньки, не грустите! Вот нагрянет весна и опять оживёте, на ветвях ваших снова в радости залепечут на ветру молодые листочки, а я... нет, а Линка... Линка-а, не надо грустить. Лучше садись на свою старую кастрюлю и прореживай петрушку.

Да-а, хорошо-то как!

Вот, видишь... А теперь поищи грибы в березовой рощице, ведь она – чудо! Да еще заходящее низкое солнце стволы перламутром подсветило, а листья – изумрудом.

Ура! Уже и штиль в душе заискрился.

Ну, я же говорила!

Ой, кажется, по логу замелькала кепка Антона, зачем это он?

Наверное, мириться пришёл. Видишь, даже бидончик воды принёс:

– Вот... по пути захватил. – Теперь бродит по огороду, срывает помидоры, молчит.

Но подошёл: – Ты домой скоро?

– А что?

– Да пораньше бы уйти.

Не хочешь пораньше? Не хочешь – с ним?

– А почему пораньше? – И не взглянула даже: – Ты иди, а я еще...

Ничего не ответил. Ни слова не сказал. Ушёл.

Ну и пусть уходит, пусть, пусть!

Но почему и сама заторопилась, чего испугалась?.. А-а, солнышко за рощу покатилося, с востока тучки поползли и вокруг – ни души. Но, может, для тебя это даже и хорошо – легкий стресс, может, тебе и надо...

Странно. Даже благодать в душу опустилась.

И уже как же не хочется тебе уходить из этой тишины, да? От этих вечерних запахов, от быстрого наползания ночи, да? Но надо...

Почти час!.. сижу на бетонной плите, а этого треклятого автобуса нет и нет.

Опять заводишься?

Да не заводюсь я, а просто смотрю вокруг.

И смотри. Ведь вначале-то небо потемнело, дома посерели, а потом желтыми квадратами ве-есело так вспыхнули освещенные окна, деревья стали силуэтами, а небо вдруг начало светлеть, будто все его тёмные краски слились на землю...

А мои не все... слились. Но это посветлевшее небо с огромной луной что-то высветлило и во мне.

Вот, видишь? И автобус как раз... А автобус этот с молчаливыми и усталыми пассажирами всегда успокаивает.

Ага, все эти люди, хотя и не смотрят на меня, но сочувствуют и желают добра.

Да, да! И мелькающие под фонарями ярко-зеленые пятна деревьев – тоже.

И огни наползающего города, в котором...
В котором, конечно же...
Конечно, меня ждут.

Глава 2. Я-Ядва и Линка

Теперь – немного о себе... Ну как же, собираюсь писать рассказ... или повесть с двумя персонажами, то, естественно, надо и о другом, то бишь, о главном, слово молвить

Впрочем, кто будет главным, рано говорить... А писать о себе очень сложно. Краткую биографию?.. Нет. О характере, мировосприятии? Тоже нет, ибо по «ходу повествования» читатель поймёт, кто я такая. Поэтому напишу, пожалуй, только вот что: у меня затянувшийся писательский кризис, из которого упорно пытаюсь выкарабкаться, вот поэтому и за Линку ухватилась, как за спасительную соломинку.

А почему за неё? Да потому, что у нас с ней есть нечто общее: в своё время и мой поэт бросил писать вот так же, как теперь – её писатель, да еще... Но нет, не буду объяснять, что кроется за «еще», ибо, наблюдая за конфликтными отношениями Линки с мужем, надеюсь что-то додумать, понять и из своей собственной жизни.

Но поможет ли мне в этом моя «соломинка»?

– Привет!

Линка вспыхивает на пороге, как луч солнышка:

– Мой-то вчера... Домой пришел с букетом!

Ну вот, видишь, а ты...

– И как же давно не преподносил цветы! Даже не помню... – перебила меня и тень мелькнула на ее красивом личике: – А я на радостях торт испекла и всей семьей пили чай. Хорошо так было!

– Будто и не было тех хмурых дней, да?

– Да нет, были они, были, – стало затухать её свечение, – потому что потом всё равно хотелось лечь, отвернуться к стене и рухнуть в сон.

– Линка, радость моя, жизнь – она такая... Жизнь, как зебра полосатая, и зачастую непонятная штука. Послушай, какие строки оставил нам Владислав Ходасевич¹:

Должно быть, жизнь и хороша.
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвораченьем, то восторгом.

Но от философских строк Ходасевича Владислава тень на светлом личике моей подруги стала еще гуще. Зачем я его – ей?.. Может, отвлечь от высокого бытовым, тварным?

– Надо тебе почаще смеяться, а то морщинки у губ всё заметнее.

– Да я разглаживаю их, разглаживаю, но... И как Антон может жить со мной... такой? Ни к чёрту нервы, часто и слезы – вот-вот. Вчера-то, когда легла спать, опять пришел, а я отвернулась и шепчу: «Ну почему не заведешь себе любовницу?».

– А он?

– Он... «Я же тебя люблю» – прошептал. А я как раз перед сном посмотрела кусочек фильма: они вламываются в её дом, зажимают рот, распластывают на кровати, насилуют...

– Её насилуют, а у тебя дыхание перехватило?

– Перехватило. И даже на лбу капельки пота выступили. Ненавижу ЭТО в мужиках! Ну, почему они самое интимное... как «неотложку»?

¹ Владислав Ходасевич (1886—1939) – русский поэт, критик. После переворота 1917 года жил за границей.

Она сидит напротив меня в глубоком кресле, – почти утонула в нем, – и её карие глаза начинают темнеть и поблёскивать. Плохой признак. Может и расплакаться... Чем отвлечь?

– Линок, может, поставить твой любимый диск? – Нет, и музыка ей сейчас не поможет. А не поделиться ли тем, в чём была до её прихода? Правда, к поэзии она – не очень... И всё же:

– Ну, тогда от грустного Ходасевича давай нырнём в светлый романтический мир Николая Гумилева², идёт? Слушай:

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор чёрный,
Глубокие, прозрачные бассейны...
...Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пусть сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

– Ах, Гумилев, Гумилёв! – Линка вздохнула, взглянула на меня. Нет, веселей ей не стало, но всё ж на какое-то мгновение искринка вспыхнула в глазах... и погасла: – А что же мне делать со своими «узорными садами»? Ведь рядом тот, к которому нет прежней влюблённости.

– А, может, просто нет того, чем ЭТО одухотворялось?

– Ну да, нет «того, чем»...

Искать ответы на вопросы жизни... Всю жизнь помогают мне в этом писатели, поэтому сейчас опять в руках томик Германа Гессе³ и я ищу у него...

Созвучный твоему теперешнему состоянию ответ?

Ой, явилась, Ядва!

Явилась. А как же? Вижу, что опять начинаешь копать в себе, а как же без меня, без своего двойника?

Ну, хорошо, давай вместе...

«Путь человеческого становления начинается с невинности (детство, первая, не знающая ответственности стадия). Оттуда он ведет к вине, к знанию о добре и зле, к требованиям культуры, морали, общечеловеческих идеалов...»

И похоже, что ты уже прошла этот свой путь.

Да, прошла, но что дальше?

А что дальше... Вот сейчас и узнаешь у любимого писателя.

«И каждого, кто переживает эту стадию всерьёз, как развитый индивидуум...

А ты, конечно, развитый...

Не иронизируй. Ведь хотя бы пытаюсь, и то...

«... как развитый индивидуум, путь неизбежно приводит к отчаянию, к сознанию того, что не существует воплощенной добродетели, полного повиновения, беззаветного служения, что справедливость недостижима, а жизнь в добре невозможна...»

Так возможна или нет? Ты то как думаешь на своём этапе?

Ты знаешь... Думаю, что в любом случае жить, барахтаться надо, иначе...

² Николай Гумилёв (1886– 1921) русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма. Расстрелян в 1921 году.

³ Герман Гессе (1877—1962) – немецкий писатель и художник, лауреат Нобелевской премии (1946).

«Отчаяние ведет либо к гибели, либо же в третье царство духа... к постижению милости и спасения, к новой, высшей разновидности безответственности, короче говоря – к вере. Неважно, какие формы и выражения принимает вера, но содержание ее всегда одно и то же: мы не отвечаем за несовершенство мира и за наше собственное, мы не распоряжаемся собой, но нами распоряжаются, потому что за пределами нашего познания существует бог, или иначе – ОНО, которому мы служим и которому можем предаться».

Так что же, и ты можешь только предаться этому ОНО и не отвечать за свои...

Нет, не думаю так... пока, а дальше...

Похоже, с успехом прошла ты первые два периода своей жизни...

Прошла, но запутала в третьем.

Я – на юбилее.

Антон – в темно-синей тройке с белой астрой в петлице, Линка – в сером пиджачке с розовой. У них – юбилей свадьбы... то бишь, регистрации. Знаю, свадьбы не было, но вот об этом дне вспомнил Антон и только сейчас рассказал, словно жалуясь: «Отмечать будем? – спросил её как-то, а она лишь плечом дернула: ну, мол, если хочешь...»

Но всё же вчера... И ведь сырой, холодный, сумеречный был вечер, а он пришел домой с огромным букетом астр и георгин: «Вот, тебе... Сам вырастил, сам и принес.», на что Линка только буркнула: последние, мол? Но вышла дочка, улыбнулась: «Поцелуйтесь же!» И он чмокнул её в щеку, а она... А она словно отмахнулась.

Антон наливает вино:

– Кто поздравит нас? Дочка?

– Не-е, я не умею...

Но всё же бормочет о здоровье, о золотой свадьбе, до которой «дожить бы родителям надо», и уже пьем, закусываем... Но Линка, что ж так буднично у вас за столом? Наверное, не так бы хотелось Антону, потому и раздражается. Вот и сейчас:

– А ваша мама селедку рядом с «Шампанским» поставить может, – криво усмехается, перед тем, как поднести ко рту кусочек сыра. – Как же неудобно мне у вас! Может уйти? Вон, и снова он нахмурился: – А вашей маме лишь бы работать да работать, и больше ничего не нужно.

Ответишь ему?... Ну и молодец. Не надо, не порти настроения детям. Да и нелепо отвечать тем же... с астрами-то в петлицах.

А на экране телевизора – девочки изящные, тонкие ходят, крутят попками, и твой Антон уже похихикивает, любуясь ими, а у тебя тоска?

Да потому тоска, что не пришлось быть вот такой, как они, не пришлось хоть раз!.. сбросив лямку забот, надеть вечернее платье и почувствовать себя только женщиной...

Молчи, Линка, молчи! Лучше тоже любуйся этими длинноногими. Нет? И даже сказать что-то хочешь?

– Если верить в перерождение душ, в реинкарнацию, то хотелось бы в последующей жизни быть только женщиной.

Линочка, эта твоя реплика похожа на скулёж. И что ж твой Антон – на это?

– Да брось ты!

Взорвался. Еще и передразнил: «Только женщиной...» Зачем же он так?

– Па, ну зачем ты так? – Молодец дочка! – Пусть человек хотя бы помечтает.

И ты, Линка, глаза – к ней? И в них – благодарность бессловесная: дочка, спасибо!

И теперь молчите. Похоже, что ваш маленький праздник угас, не разгоревшись.

Но «Шампанское» открыли... Да-а, не заиграло оно в вас...

И уже – кофе в чашках, пряник медовый разрезали, но... как буханку хлеба перед обедом.

И уже дети – к телевизору. Пусть смотрят, а ты... А ты подойди к Антону, улыбнись.

Молодец. Подошла... улыбнулась, вынула астру из петлицы:

– Давай твою... в воду поставлю. Пусть еще поживет.

Ни-ичего не ответил твой отвергнутый муж... чина.

Ни-че-го.

И снова – к Линкиным наброскам... да нет, не только к Линкиным

Ветер, полощи, полощи дождём ветви ивы!.. И он встряхивает их. И они уже мечутся, тянутся в сторону балкона, хотят вцепиться в его прутья... И уже тяжёлые капли срываются с листьев, шлепают по уже опавшим, затоптанным!

Почти две недели на улице вот такое бесиво, и это значит, что осенние работы на даче закончились, и твой Антон всё дома, дома, дома! И мается от безделья, и нервы у него натянуты. И твои – тоже. Но нет, вы не ругаетесь, а варитесь в своих мыслях и чувствах в одиночку, с глазу на глаз, да? А тут еще это, твоё, вечное: и всё не так, и все не те, да?

Нет, больше не можешь! Вон из квартиры!

Но ведь дождь, лужи, рыхлое серое небо

К троллейбусу, на «тройку»!.. и я – с тобой.

И вот уже замелькали в плачущем окне, засуетились дома, деревья, машины, желто-пурпурные кроны кленов... словно вспышки!

«Суета сует и томление духа». Кажется, из Библии?

Да, из Библии. Но забудь об этом хотя бы сейчас! К черту все эти вечные раздумья о смысле жизни, как живем, почему так, а не иначе? Вон, у Чижевского⁴: «В смятении мы. А истина ясна, проста, прекрасна, как лазурь у неба. Что человеку нужно? Тишина, любовь, сочувствие и корка хлеба». Вот и всё. И не надо искать чего-то, шарахаться, метаться... как эти листья у обочин, которые никак не прибьются к забору, пора бы уже тебе остепениться, успокоиться.

Но как успокоиться, если уходит...

Что уходит? А-а, не хочешь смиряться с тем, что нужно только мужу, а ты просто «должна исполнять»?

Но должна ли?

Как далеко ты заехала! Ведь скоро и конечная.

Ой, а ветер-то, ветер! Зонтик вывернул и дождь наглый – в лицо!

И по лужам – каплями, каплями... словно выстрелами. И листья, листья-то как мечутся!

Сколько ж их, желтых, исхлёстанных дождем не только в лужах, но и в жухлой траве, в решетке изгороди, на островках тротуара, под деревьями.

А вон в тех домиках, в тепле и уюте, сидят, наверное, за чаем добрые, симпатичные люди и без всяких заушей болтают о разном.

Да, без заушей – хорошо! Вот, видишь этот прекрасный опадающий ясень? Он просто растет себе да растёт, так и ты...

Но ведь, чтобы вот так раскинуться, он, может быть, несколько деревьев заглушил, да и трава под ним что-то хиленькая.

А что ж ты хочешь? Борьба! Выживание только сильных.

Что, и человеку – вот так?..

⁴ Александр Чижевский (1897—1964) – советский учёный, биофизик, один из основателей космического естествознания, философ, поэт, художник.

Да нет, для того и разум ему дан, чтобы уходить от эгоизма. Всемирная мать Тереза⁵, наверное, не мучилась терзаниями, подобно тебе, а ездила по всему миру и помогала слабым.

Нет, по миру уже не поеду, а вот домой...

Быстро-то как день смешивается с сумерками и за окном мечутся уже не оранжевые кроны клёнов, а окна домов, изгороди, фонари, деревья, кусты. Смотри, Линка, мужик вошел. Драный пиджак, приспущенные брюки, стоптанные башмаки.

Бомж, наверное, и под дождём промок.

Стоит, покачивается. За поручень вцепился, как утопающий – за соломинку и что-то под нос бубнит.

Но вот, уже выходит.

Ага, но ме-едленно... И что он там бормочет?

«Ос-то-рож-но, двери зак-ры-ва-а-ются!» Шутник...

И захлопнулись створки. Словно отрезали его. И уже он один там... на исхлётанной дождем остановке. Один...

Вот сейчас приду домой, соберу чего-либо на стол, налью в стаканы нашего домашнего вина, позову Антона, дочку, сына: идите, золотые мои, выпьем, посидим, поговорим...

Но твоего сына нет дома, дочка на машинке что-то шьёт, Антон смотрит новости.

Ну, тогда не сегодня... тогда завтра... в другой раз.

– Нет, я понимаю: Антон – писатель, ему романы писать надо. – Она стоит над плитой ко мне спиной и что-то жарит. – Но теперь, когда почти не пишет, мог бы... А если и начнет помогать, то с раздражением, с надрывом, поэтому уж лучше – сама.

А у неё здесь уютненько! По стенам, на чуть бежевом кафеле, реденько разбросаны цветные пятнышки, над плитой – расписной поднос почти палехской работы, над диванчиком – яркий натюрморт бывшей подруги-художницы, после которого Линка и вдохновилась на создание несколько натюрмортов. Смогла, смогла хозяйка «подручными средствами» создать из кухни вот такой милый уголок.

– Да уж... – запоздало отвечаю на её мини монолог. – По крайней мере домашняя работа – единственное, что не вызывает у тебя сомнений в нужности, да?

– Вот-вот... – вдруг резко оборачивается: – И всё же! Видишь, Антон и сейчас сидит, читает в своей комнате, а я всё еще здесь, на кухне. – Подошла к двери, прикрыла её и все же заговорила тише: – Правда, вчера сходил на дачу, а сегодня... Попросить постирать белье? – Я пожалала плечами, хотя вопрос был не ко мне. – Нет, не буду. Он и так взбрыкивает все эти дни, а если и сейчас... то мой выходной – к черту.

Замолкает, но знаю: вот-вот разразится продолжением к «заданной теме».

И я жду этого. Мне это нужно позарез. Плохо? Но так ведь...

– И всё же! – резко оборачивается с чубчиком, закрывшим карий глаз.

– И всё же? – поддразниваю её. – Рискни, Линка, а вдруг постирает?

– А-а, и впрямь! Рискну. Но ласково и мягко.

Да не получится у тебя мягко! Знаю... Но пошла к нему. И мне – за ней?

– Антоша, может, постираешь бельё, а? – Ой, и впрямь ласково говорит, тихо: – Надо только второй раз прокрутить его в машинке и прополоскать.

А её Антоша сидит на диване у окна. И краси-иво так смотрится в контровом-то свете!.. но от книги не оторвался, значит...

⁵ Мать Тереза (1910—1997) – католическая монахиня, основательница женской монашеской конгрегации «Сёстры миссионерки любви», занимающейся служением бедным и больным. Лауреат Нобелевской премии мира. В 2003 году причислена Католической Церковью к лику блаженных, 4 сентября 2016 года – канонизирована.

– Вечно вы... – Это он её и дочку имеет в виду. – Вечно начнете стирать и... – Очки-то как злое блеснули! – Раз начали, так и кончайте.

Интересно, примет Линка брошенную перчатку или молча уйдёт? Прими, Линка, прими, подбрось реплику, давай!

– С дочкой потому стирать начали, что белье грязное уже из корзины лезло.

Обернулась ко мне, глазами спрашивает: правда, мол, мирно я сказала?

Мирно-то мирно, но обиженно, поэтому сейчас еще услышишь.

– Ваше белье, вы и стирайте.

Опять брыкнул. Стерпишь, али как?

– Антон, не только наше...

– Вашего больше. – Снова очками-то как! – И все равно, сказала б раньше...

Сказала б она... А сам не видел?

– Ну что ж говорить-то? Разве не видел?

Украла мою реплику. И что ж твой Антоша?

– И всё равно не буду на вас стирать.

Метнулась на кухню. Молча... Но уже оттуда, громко, что б слышал:

– Ну, хорошо, не стирай. Только знай, что на нас стирать больше не будешь... как, кстати, и не стирал, а сам на себя – пожалуйста.

Линка, обернись, он влетел!.. Ну да, оказывается, она и рубашки ему никогда не погладила, и пуговицы ни одной не пришила, и носков не штопала!

Держись, Линка!

– А кто штопал, ты что ли? – открыла форточку, глубоко вдохнула порцию прохладного воздуха, а муж, не уточнив «кто», расширил претензии: да, только он вкалывает... он ишачит на всех... ой, даже не нужен в семье никому... ой, выжали они из него всё, что могли, а теперь...

И что ответишь на эту тираду?

А ничего не ответила. Нырнула в зал, забила в свой любимый уголок дивана, заткнула уши ладонями.

Линка, успокойся. Возьми себя в руки. Бывает!

– А ты знаешь, почему он вот так?.. – Всё, уши её слышат. – Вчера опять не пришла к нему, а он ждёт, ждёт моего «визита», но у меня – ни сил, ни желания.

Ах, мой «подследственный персонаж», как же мне это знакомо!

Не сказать, что у нас с Линкой мироощущение – душа в душу, но вот этот фильм об американских диких мустангах только что досмотрели вместе. И она пока молчит, попивая из моей... вернее, из её любимой чашки маленькими глотками остывший кофе с ликёром, – мы любим вот такой... Но чур, кажется, что-то изречь хочет, – глаза-то потемнели, а это признак того, что думает:

– В каких же жестоких боях отвоевывают мустанги свое лидерство!

Линка, но ведь ты не только об этом сказать хочешь! Пока додумываешь, получи-ка моё немудрёное продолжение твоего заключения о фильме:

– Но зато кобылицы – в их «гаремах».

– Вот и среди людей должно бы так же... – Помогло, помогло моё немудрёное! У неё даже щеки зарумянились: – А то наши «мустанги» о-отлично устраиваются: распушат свои хвосты, зацокают копытами, чтобы завоевать «свою кобылицу», а потом и остынут, и остепенятся, но непременно хотят, чтобы «она» оставалась послушной ему всю жизнь... как мой «мустанг», у которого «хвост» уже повис, писать не хочет, как-то пробиваться в жизни – тоже... да и хотя бы просто защищать меня от нагрузок... так почему же я обязана исполнять какой-то «женин долг»?

Уф! На одном дыхании всё выпалила. Молча, смотрю на неё. Как примет моё молчание? Ведь так хочется, чтобы ещё что-то...

– Конечно, и ты не знаешь... – говорит-то мне, но ведь себе отвечает! – Слушай, а может, этот «долг» Антон просто выдумал?

Вот теперь ждёт ответа и от меня, но разве я знаю?

– Линка, у него спроси, – улыбаюсь.

И она встаёт, расправляет плечи, словно собираясь сейчас же, сию минуту...

– Вот и спроси: дорогой мой мустанг, ты же не хочешь быть мне защитой от нагрузок жизни или хотя бы подмогой, вот и не требуй того, чего не заслужил.

Во как грозно!.. Но Линка, моя милая Линка, ведь не скажешь этого своему обиженному мустангу! Не скажешь, как и я когда-то – своему... Тоже терпела, ждала: вот-вот возьмёт на себя часть домашней рутины, поймёт её дурманившее всесилие и почувствует, изменит в себе то, что гасит наши чувства! А он только капризничал, наступал, донимая нелепыми придирками. Как же похожи мы с тобой, да и ситуациями, в которых оказались! Но моя давно разрешилась, а долго ли ты будешь искать выход из своей, и ждешь ли моей подсказки? А подсказывать не буду. И хотя бы потому, что сбившуюся нить жизни ты должна распутать сама, а еще... Ведь мне позарез необходимо видеть тебя вот такую, одиноко барахтающуюся.

Обычно Линка читает только современную прозу, вроде «Кода да Винчи»⁶, но я пытаюсь, пробую вести с ней «воспитательные беседы» о классике, на что она лишь отмахивается: нет, мол, всё это слишком длинно и скучно. Но я не теряю надежды и изредка «приобщаю к прекрасному» короткими отрывками, а чаще поэзией, вот и сейчас забежала к ней с томиком, а она напротив меня в своём любимом уголке дивана вяжет свитер, который... ну почти уверена!.. или не закончит, или распустит в очередной раз. И рядом – дочка. И с их лиц еще не стёрлись эмоции от прерванного разговора, и я не знаю – о чем они?.. Жаль. Но, может, недоговорённое сейчас и?.. Ага, дочка хочет... и, вроде как шутя:

– Ма, а ты считаешь себя счастливой как женщина?

Ну и вопросик! При мне-то. Но это юное существо понять можно: раз они добрались до него, то хочется ей прямо «здесь и сейчас» – ответ. Интересно, ответит ли мама? Едва ли.

– Не знаю, доченька.

Так и думала! Но чего спицы то опустила? И задумалась. А, впрочем:

– Как-то так получалось, моя родная, что в нашей семейной упряжке я часто ощущала перекося. – Нет, не поймёт твоя родная о перекося, поясни. – Перекося оттого, что она, моя более сильная половина, не хотела тянуть упряжку вровень со мной. – Линочка, может, не надо при мне такое – дочке? Нет, еще что-то хочет. – И поэтому уставала я... да и устаю страшно, так что некогда ощущать себя только женщиной, тем более, счастливой, и это, конечно, грустно.

Что-то ничего не ответила твоя дочка... встала, ушла к себе, а ты сидишь грустная, жалкая. И чем утешить? Да вот же... тем, с чем пришла:

– Линка, а я к тебе не одна... опять с Гумилёвым. Послушай, моё любимое.

Не отозвалась. Но всё же прочитаю, может, после него...

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Я знаю веселые сказки таинственных стран,
Про черную деву, про страсть молодого вождя,

⁶ «Код да Винчи» – роман, написанный американским писателем и журналистом Дэном Брауном.

Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.
И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых
 трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на острове Чад
Изысканный бродит жираф...

– Ну как?..

Встала. Смотрела нитки. Воткнула в клубок спицы. И что дальше?... Вдохнула. Улыбнулась:

– Да-а, наверное, до слёз отрадно, если тот, кто рядом, знает и о «тяжёлом тумане», и о том, что уходит вера «во что-нибудь, кроме дождя».

Нет, прекрасными строками поэзии я только еще глубже разбередила ей душу, не под-
сказав ответа. Может, проза поможет?

– Линка, а вчера попались мне записи той поры, когда искала ответы на свои воспалённые вопросы. Хочешь послушать?

– Валяй.

– Валяю. Только не о личном, а из русского философа Владимира Соловьева⁷. Может не точно сейчас процитирую, но... Сила любви, переходя в свет, преобразуя... Ну да, преобразуя и одухотворяя форму внешних явлений, открывает нам свою объективную мощь и ПОЭТОМУ...

– А об «должна исполнять свой женин долг» у твоего философа... ничего?

– Вроде бы не-е...

– Ну и зачем тогда ты мне его...

– А затем, – опять же мажорно улыбаясь, – что твой Антон перестал преобразовывать и одухотворять форму внешних явлений, вот и...

– А, может, уже и не может? – прожужжала она буквой «ж», снова принявшись за вязанье.

– Может, и не может, – прожужжала и я.

И она снова начинает быстро ковырять спицами, будто этот самый свитер ей непременно нужно вывязать к вечеру, а я смотрю на неё и думаю: не грусти, Линка, таких, кому «некогда ощущать себя только женщиной, тем более, счастливой», много... можно сказать, целые легионы, но жаль, что легионы эти не могут наступать, а только защищаться... Но, может, еще выложить ей и мои грустные мысли-выводы из собственного опыта? Нет, пожалуй, сейчас не буду. Как-нибудь потом... в другой раз.

Через три дня едем с Линкой в санаторий «Крымское приморье». А получилось так: мне на работе предложили две «горящие» и почти дармовые путевки, и дармовые потому, если возьму и ту и другую. Ну, как было не соблазниться? Тем более, что творческий кризис и, может, волны Черного моря смоют мою депрессию? Но куда девать вторую путёвку? Предложить Линке? Ведь говорила, что отпуск у неё «еще не реализован, хотя отдохнуть бы надо и от домашней рутины, и от Антона». Да и мне, честно говоря, не хотелось расставаться со своим «подследственным персонажем». И позвонила: поехали, мол, посидим у самого синего моря, подумаем над вечными вопросами жизни, да и над твоими... авось придумается что-либо окейное на лоне природы. «Ты думаешь?» – усомнился мой персонаж. – «А вдруг?» – рассмеялась я, чтобы плеснуть на неё радостным оптимизмом. И она согласилась.

⁷ Владимир Соловьёв (1853–1900) – российский религиозный философ, поэт, публицист.

А сейчас она идёт впереди меня по тропинке старой сосновой рощи, что совсем рядом с нашим домом, и молчит, молчит.

– Линка, и об чём молчим? – хочу выдернуть её из затянувшейся паузы.

Сделав несколько неторопливых шагов она вдруг оборачивается:

– А об чём говорить-то? – Останавливается, прижимается спиной к сосне, подставляя себя солнцу. – Снова жаловаться на мужа? Так уже, наверное, надоела тебе до чёртиков.

– Да нет, не надоеда, – поспешила заверить и даже чуть не проговорила, что наоборот, мол... – Так что если есть что... выкладывай, поймаю.

И даже смеюсь. Но она лишь машет рукой и прикрывает глаза, а я... Ах, если б ты знала, Линка, что за этим смехом – не шутка, ведь так хочу знать и следить за каждым твоим шагом!

– Ну, хорошо, – прислонилась и я к сосне, – не выкладывай. – Но надо же что-то ей посоветовать? А-а, вот! То, что спасает меня, но к чему она обращается лишь изредка: – А ты, Линка, пиши, делай записки о ваших ссорах, да и просто... Ну, хотя бы по несколько строк каждый день.

– Ой, аж каждый день! – вдруг вспыхивают передо мной её темные глазища: – Да и зачем, для чего? – И добавляет тихо: – Нет, не смогу.

Ну, раз сразу не отказалась, то вперёд!

– Сможешь, Линка, сможешь. Ведь иногда же пишешь! Значит спит... нет, дремлет в тебе потребность выплеснуться, да еще так интересно... выплёскиваешься! – Ага, польщу ей. – Вот и давай, пиши... и каждый день в блокнотик хотя бы пять-шесть строк, а потом...

– А потом – суп с котом?

И рассмеявшись, опять пошла в глубь рощи.

– А потом... – не поддержала её смеха, но догнала и... Сказать или нет? А, скажу. Это должно зацепить её, ведь как-никак она – креативная личность. – А потом всё, тобою написанное, вставлю в свою повесть, тебе же интересно будет?

Она подошла еще к одной сосне. Прислонилась и к ней. Закрыла глаза. Постояла, потянула паузу. Улыбнулась:

– Ладно. Попробую... – Я тоже расплылась в улыбке радости, а она приоткрыла один глаз, устремила его на меня и лукаво добавила: – Может быть.

Глава 3. «Крымское Приморье»

В окне вагона проносятся рыхлые предвесенние облака, мелькают тёмные стволы сосен, белые – берёз... Да, в лесу ещё снег. И сугробистый, простроченный следами зверья, тропинками, лыжнями, но уже и проталинки пригрелись возле берёз. Наши первые часы только с собой... Не скучно ли будет там, в Крыму? Не достанем ли друг друга?

– Какими ж тягостными были эти два дня перед отъездом! – вдруг слышу голос Линки.

Она закрывает книгу, которую вроде бы читала до этой фразы, но оказалось...

– Из-за Антона?

– Ну да, из-за него. И только из-за него.

Нет, не спрошу её: и что, мол, в этот раз... Пусть сама.

– Позавчера-то мой... – и замолчала, отвернувшись к окну. Ура, значит, расскажет то, что вначале не хотела. – Сидел, читал в своей комнате, а потом вдруг возник в проёме двери: «Пойти пройтись или искупаться?» вроде как спросил у нас с дочкой.

И замолчала. Наверное, думает: рассказывать ли дальше?.. Давай, Линка, давай! Я хотя и смотрю в окно, делая вид, что мне, мол, всё это – до фени, но ушки – на макушке.

– А мы с дочкой спешно шили мне юбку. «Пожалуй, искупаюсь», – решил, наконец, и подошел к шкафу: – Где тут у вас чистые полотенца? – Порылся на полке, заворчал: – Вечно у вас как зря всё понавалено!»

Снова замолкла. Положила книгу на стол. Значит, будет рассказывать и дальше.

– И зачем я шутиливо огрызнулась?.. был бы, мол, только у тебя порядок. – Снова смотрит в окно, хотя знаю: мельтешение облаков и сосен не видит, а просто... – А он вдруг и смахнул всё с полки, и рявкнул: «Ищите сами!»

– Смахнул и выскочил из комнаты? – почему-то спросила я.

– Ну да, смахнул и выскочил, а я еще и догнала его словами: конечно, тебе хорошо!.. у тебя отдельная комната, отдельный шкаф, есть где аккуратненько всё разложить, а мы тут втроем в одном лепимся.

– Да-а, завелась ты с пол оборота...

– Ну да, завелась. Но слегка. – Взглянула на меня и глаза её потемнели: – Но, может, и слегка не надо было? – Может, и не надо, Линка, но ведь трудно сдержаться и не ответить на агрессию, знаю. – Ну да, не надо, – ответила на свой же вопрос, – потому что он вдруг снова возник в проёме двери и сразу набычился: «Ищите! А то сейчас подожгу тут все! Повалю, раскидаю!»

– Во как! – воскликнула я вроде бы про себя, а получилось...

Но, похоже, Линка не услышала моей, ненароком выплеснувшейся эмоции.

– А я только удивленно посмотрела на него, продолжая шить, но в голове мелькнуло: перекрестить его что ли? Бес вселился.

– И перекрестила?

– Нет, не перекрестила, а тихо так сказала: «Давай, вали».

– А он и впрямь?

– Ага. Шагнул к шкафу, пнул его ногой и вылетел вон. Сверху что-то упало, разбилось, а я... – А ты даже не посмотрела на осколки того, что разбилось, но... К горлу – ком, к глазам – слезы, да? – А я из-за слёз даже не взглянула на разбитое и стала искать на полу, в ворохе белья полотенце и дочка... Дочка зашептала надо мной: «Мам, давай я. Мам, давай...» и лицо её тоже было в слезах... – Бедная Линка! И со всем этим ты едешь в Крым? – Тогда я и запричитала: доченька, ты прости меня... за него прости! – Да-а, сценка разыгралась... И ты прокручиваешь её, прокручиваешь в сотый раз. Отключи этот фильм, Линка! – А потом он купался, уходил куда-то, ужинал. – Нет, не может она остановиться. – На другой день снова сидел у себя

за закрытой дверью, уходил, приходил, а я после работы бегала по магазинам, готовила еду, дошивала юбку и всё надеялась: подойдет, одумается, извинится! – Не подошёл, да? – Нет, не подошёл. – А сегодня извинился? – А сегодня утром даже не вышел пожелать мне доброго пути. – Значит, еще и добавил твой Антон. – Представляешь? Не пожелал доброго пути, когда с детьми перед дорогой присели в коридоре!

Я инстинктивно вскинула руку, чтобы погладить её по голове, но на пол пути рука метнулась к термосу с кофе, и я уловила её выдох:

– Нет, не вышел.

И снова невидяще уставилась она на мелькающие за окном сосны, а я налила в розовые стаканчики кофе, протянула один ей и добавила про себя вместо неё: «А ведь знал, знал, что всё это увезу с собой!»

Едем уже второй час... Холодно-то как в вагоне! И почти пусто, только студенты в соседнем купе гогочут... и громко как! Что искать едем? Зачем соблазнились почти бесплатными путевками? Как это у Хемингуэя⁸? Единственная радость – это радость человеческого общения. Вот-вот, а я... А я и сама оторвалась от привычного, и Линку – от семьи, а кого встретим там для того самого «человеческого общения»? Но ладно, если скучно будет, то с тобой дневники, в них окунешься... Во, опять я – сама с собой. А, впрочем, вызывать себя другую не так уж и плохо, есть с кем вести диалог, а диалог всегда подталкивает, раскручивает, но сейчас ты, Ядва, только отвлекла меня от... И о чём я думала? А, о дневниках. Ну да, буду почитывать свои юношеские и подбивать Линку делать записи

Так у неё будут уже не юношеские.

Но зато в какой-то мере насыщенные жизненным опытом... Ишь, забралась на вторую полку и что-то не слышно её. Задремала?

Пусть поспит, не думая о будущих дневниках, а ты полистай свои...

Ага, прямо сейчас и...

«Очередная депрессия. Потухший взор. Плохо. Ведь годы-то идут, летят. Двадцать уже!»

Ох, сейчас бы тебе эти годы, да?

Не отказалась бы, Ядва, не отказалась. Но не перебивай меня.

«В семнадцать были мечты кем-то стать, чего-то добиться, но теперь они тают...»

Ага, тают, как этот законный снег под солнцем.

Слушай, я же тебя просила... «Да еще это вечное: для чего дана жизнь, зачем живу?»

И всё же ты теперь меня послушай. Вот ведь как получается: прожила ты уже вдвое больше, а ответов на эти вопросы так и не нашла.

Не нашла... Интересно, а задаются ли такими же вопросами студенты-попутчики, гогочущие на весь вагон? Тише вы, оглашенные! Человек задремал, а вы...

Смотри-ка в окно, город своего босоного детства проезжаешь.

Ну да, сердце аж затрепыхало.

Ну как же, самые романтические годы твои здесь пролетели.

Да-а, Денис, первая влюбленность, мучительное счастье видеть его, встречать. А потом...

А потом и он стал прошлым.

⁸ Эрнест Хемингуэй (1899—1961) – американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года.

Ладно, Ядвочка, не будем о грустном. Очнусь-ка я от давнего дневникового прошлого и полистаю о не столь отдалённом. «Купила пластинку с классической музыкой. Какое же это упоение слушать „Лунную сонату“ Бетховена⁹!»

Это ты уже... когда работала и жила здесь.

Да, когда уже работала помощником режиссера. «Боже, как страшно потерять мечту, перестать замечать прекрасное, не стремиться к нему. И чем тогда жить? А разве стремление к любви это ни ожидание встречи с прекрасным?»

Во как. Мечталось тебе о любви как о чем-то прекрасном...

Мечталось. А оказалось, что «следствие любви» это – муж, ребенок, быт, нескончаемые заботы, как и у Линки, и даже ссоры из-за... И места для той прекрасной любви оставалось всё меньше, меньше, пока...

А пока за окном-то уже сумерки.

Да, сумерки... Еще и метель начинается, ишь как по перрону бабульку гонит! Наверное, к своему вагону спешит. Смешная... Сухонькая, а волочет за собой коляску до верху навьюченную. Ой, чуть не упала! В вагон-то свой хоть сядет?

Прикрой-ка глаза, авось время скорей пролетит.

Пролетит, пройдет, пробежит... промелькнёт, пронесётся, просквозит... Всё, хватит, пусть время делает, что хочет, а я и впрямь вот так прислонюсь к уголку и вздремну.

Вот и Орел... До отхода поезда в Крым еще целых шесть часов.

– Линка, чем же заполнять их будем?

– А давай-ка по улицам побродим, по магазинам почкаемся.

– И как часто ты чкаешься?

Засмеялась... Ну, вот и хорошо. Подремала в поезде, отдохнула чуток и даже щечки зарумянились.

– Да не я чкаюсь, а дочка. Любит она это словечко.

Как же с крыши метёт! И снегом колючим – в лицо. Неуютно на улицах, тоскливо, но вида не подам, не буду заражать этим и Линку.

В зал ожидания. В уголок красной, отполированной задами скамьи

– Почитаем, Линок? – Плечом лишь дернула. – Нет, ты всё же послушай Максимилиана Волошина¹⁰, ведь на его родину едем:

В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины...

⁹ Людвиг ван Бетховен (1770- 1827) – немецкий композитор, ключевая фигура западной классической музыки, один из наиболее исполняемых композиторов в мире.

¹⁰ Максимилиан Волошин (1877—1932) – русский поэт, переводчик.

Нет, вижу, Волошин Линке – до лампочки, уже свитер вяжет, да и меня, честно говоря, такие прекрасные стихи сейчас не будоражат. Вот когда поеду к нему в Коктебель, тогда и буду читать.

Вот-вот... А сейчас посмотри вокруг, тебе ж нравится наблюдать, может, интересное что-либо схватишь.

Ага, вот... На цементном полу, прямо передо мной, квадрат солнца. И квадрат этот всё ползёт, ползёт по полу. Ползет воочию, заметно! Только что был у краешка скамьи и уже отъехал влево. Как же быстро летим мы во Вселенной! Слышу, даже слышу напряженное гудение полета Земли, нарастающий шум ветра, ощущаю космический холод вселенского пространства...

Не нужен тебе сейчас «холод вселенского пространства», лучше опять – к дневникам.

И прочесть из них что-либо Линке, чтобы заразить, подтолкнуть к записям? Ага.

– Линка, послушай-ка:

«Приходил Стас. Пробирался к нашей комнатке через хозяйскую и ворчал: „Можно здесь и ноги поломать...“ А когда уходил – снова, вроде как специально для наших добрых старичков бросил: „Если что здесь украдешь, то не сразу и выход найдешь“. На что те так и остолбенели». Видишь, Линка, если б не записала тогда этого о Стасе, то и кануло бы в вечность, а так... Дневники консервируют эпизоды жизни, а потом подталкивают и к воспоминаниям.

Дернула плечом, не оторвавшись от вязанья, но:

– Ну, если подталкивают, то и расскажи о нём.

– И расскажу. Слушай. В ту пору мы с подругой снимали комнатку у стариков евреев, и он иногда приходил к нам. Красивый был. Лицо с матовым благородным оттенком, тёмные большущие глаза, греческий нос, высокий лоб, а над ним – упрямый чуб. А еще были у него борода и усы, которые так ему шли!.. и так нравились мне.

– А ведь в те времена, как мама рассказывала, на бородатых не только на улице пальцами указывали, но могли и с работы уволить.

– Ну да, сейчас на такое и внимания не обратили б, а тогда!.. Тогда это считалось – из ряда вон... А еще писал Стас стихи. Хочешь прочту короткое?

Линка поморщилась, но я уже открыла тетрадь:

– Послушай:

Случаются дожди —
застывшие навек седые струи.
Они трепещут мягко, как мираж.
И ты приходишь вечерами тихо,
и трогаешь упругих струек звон,
и в бессловесном снова ищешь смысла.
– Ну, как? – спросила, всё же надеясь на успех.
И не дождавшись ответных эмоций, прочла уже наизусть:
Это – сон отлетевший...
И в нем присутствуешь ты...

– Стас говорил, что они – мне...

На тропинках, уходящих куда-то,
мы с тобою одни.
Я не знаю: есть ли солнце над нами,
но свет загадочный явлен.
И тепло твоих пальцев моего касается сердца.

– Во, еще помнишь...
– А потому и помню, что сразу влюбилась в него.
Но моя, так и не растроганная стихами подруга, уже прячет клубок в сумочку:
– Ладно, о «тогда» в другой раз расскажешь, а сейчас идём... посадку объявили. Слава богу! Как только лягу на полку, так и не проснусь до самого Крыма.

Крым
Холодный, ненастный, тусклый, – неуютный.
– Серо, Линка, всё серо, как у нас в ноябре.
И дождь. Моросит, моросит!
И море серое, разъяренное, – пугающее.
И гостиничный номер тоже серенький, тесный.
А наша не улыбкающая сожительница Лида словно охраняет свой мирок.
– Линка, а рядом-то с нами бильярдная. И с каким же треском взрываются и взрываются шары! – Да и дым от курева – в двери.
И зачем приехали? Может, к морю? Но оно холодное, раздражённое, грязное.
Да и вообще, всё, всё чужое! Но не стану об этом – ей. Лучше – вот что:
– А давай-ка поищем во всём этом нечто утешительное, нельзя же быть такими...
– Занудами, хочешь сказать? Ой, нельзя, конечно, но...
– Но вот прямо сейчас и скажем себе: а мне хорошо, хорошо!
– А мне хорошо!.. Хорошо знать, что не висит надо мною обида мужа, что не надо исполнять никаких жениных долгов...
– И так здорово ощущать себя никому не нужной, да? И это ощущение словно рамой окаймляет, охраняет твоё «я», да? – Кажется, попала «в точку», даже рассмеялась Линка, но я почему-то одёрнула её: – И всё же советую тебе написать Антону письмо, чтобы как-то размягчить свою обиду, да и его...
– Напишу, напишу как-нибудь. Но скажи, почему в нём так сильно стремление к сексу, а во мне... а я... – А в тебе этого и раньше не было, да? – А я всё искала в тех, в кого влюблялась нечто... – И она изящно пошевелила пальчиками у щеки, словно нащупывая это «нечто». – Нечто такое, что могло бы увести в неведомые радостные дали.
– И ведь нашла же... Столько лет прожили с Антоном в ладу и только теперь...
– Да, только теперь, когда уже и сам в даль не всматривается, и меня никуда за собой не зовёт.
Ох, чем бы остановить волну нахлынувшей на Линку грусти?
– Линка, пойдем-ка узнаем: есть ли в этом раю под названием «Крымском приморье» библиотека? Так, на всякий случай узнаем, если заскучаем, то...
– Нет, ты иди, а я... – и на лице её вспыхнула та самая улыбка, которая мне так нравилась! – А я посплю, охраняемая рамой своего «я», как ты сказала.

Линка с Лидой ушли пройтись, а я – к дневнику. Эта моя привычка делать записи... Проживать бы мгновения настоящего просто, не задумываясь, не стараясь ухватить улетающие эмоции за хвост, закрепить в дневнике... как дети или животные: насытились, ничто не угрожает, светит солнышко и-и... Мгновение, остановись! А мы, человеки, вечно выискаем из настоящего, мучая себя или прошлым, или будущим. Но ладно, видать, и мне никуда не деться от этого, а посему и здесь настоящему не дам ускользнуть, а законсервирую в своих записях, чтобы со временем стало оно сохранённым прошлым.

«Снова сидела в библиотеке. Статья Татьяны Ивановой «Специальность 2101» о преподавании литературы в школе. С болью написанная статья. Да и «Пожар» Распутина¹¹ перебудоражил душу и ощущение, что распадаюсь, и нет сил собраться.

В номер... А в номере – опять этот нескончаемый взрывной треск бильярдных шаров!»

Первое утро в «Крымском приморье»

– Линка, смотри! Сегодня-то солнце! Скорей к морю.

Ах, как же благодно пропитаться его запахами, наполниться неуёмной силой! Ну да, я – капля этой синей воды, струйка ласкающего ветра, я...

– Аннуш, а на пляже-то ни-ко-го! – вдруг слышу. – Ой, а ей еще кто-то нужен. – Может, пойдём в номер, к телевизору?

Нет, надо подтолкнуть её к прелести видимого мною:

– Но смотри, смотри Линка: прямо у твоих ног стелятся и стелятся волны, выбрасывая на песок ватаги пузырьков, а те в панике спешат назад...

– Это им страшно оставаться здесь потому, что их сейчас затянет мокрый песок.

– Вот-вот, молодец! А теперь почувствуй себя сверкающим бликом вон того солнечного зайчика на гребне волны!

– Представила... подставила... заставила...

– Линка, ты что?

– Да нет, зайчиком быть здорово. Прыгает себе, пляшет, смеётся и нет у него забот, жениных долгов...

Да-а, мою озабоченную подругу вот такими сверкающими мгновениями жизни не излечить, надо еще как-то... что-то.

В дневник

«Тихая, ласкающая синева моря... Будто оно, выплеснув накануне пенными волнами всю свою ярость, наконец-то исторгло из своих глубин и радостную успокоенность, доброту». Кажется, ничего, красиво нацарапала, только вот насчет «исторгло»... Может...

– Что, и здесь будешь писать? – вдруг слышу голосок только-что проснувшейся Линки.

– Да нет, уже написала. Это я, пока ты спала, бродила вдоль берега и только сейчас...

– А сейчас будешь читать свои дневники?

– Ага.

– И опять про того самого, о котором – в поезде?

– Про него.

– Тогда и мне немножко, а я буду слушать и просыпаться.

– Ладно. Просыпайся и слушай:

«Середина мая. Моя любимая пора... Вчера со Стасом шли по тихим, почти сельским улочкам, и он пригласил меня заглянуть в его сад, – „Ведь яблони цветут, сирень!“, – и я пошла. Но только взглянула на этот праздник цветов и заспешила домой. Чего испугалась?.. Не знаю. А он провожал, и я была счастлива только тем, что шёл рядом, а когда с веткой сирени из его сада пришла домой, долго не могла уснуть».

– А чего испугалась то?

– А испугалась... Нет, тогда даже и не пыталась понять «чего», а просто убегала, уезжала от него к маме и всё... а потом даже минуты считала, когда вернусь на работу и снова увижу.

– Но близко не подпускала.

– Долго не подпускала. Только потом...

¹¹ Валентин Распутин (1937—2015) – русский писатель, публицист, общественный деятель, представитель «деревенской прозы».

– А я Антона – сразу, – перебивает огорчённо и отбрасывая одеяло, встаёт: – Влюбилась в свои семнадцать и словно сдалась, а теперь от моей влюблённости почти ничего не осталось.

Как и от моей... Но не скажу Линке об этом потому, что она может спросить о Стасе еще что-то, а мне пока не хочется раскрывать ей драму нашей жизни. Но когда-нибудь прочту вот это из моего любимого Владимира Набокова¹²:

*Мы забываем, что влюбленность
не просто поворот лица,
а под купавами бездонность,
ночная паника пловца.
Покуда снится, снись, влюбленность,
но пробуждением не мучь,
и лучше недоговоренность,
чем эта щель и этот луч.
Напоминаю, что влюбленность
не явь, что метины не те,
что, может быть, потусторонность
приотворилась в темноте.*

Прочту и скажу: моя милая Линка, быть влюблённым это всё равно, что лететь в самолете... нет, в лайнере, набирающем высоту: движение, небо, облака и впереди – нечто загадочное и непременно прекрасное, когда всё озаряется магическим светом и каждое явление наполняется смыслом, от которого дух захватывает! Но такое состояние – лишь цветение жизни, когда этот изумительный цветок непременно должен быть опылен, чтобы не стать пустоцветом, а потом... Потом таинственная и лучезарная «недоговорённость» исчезает, проявляется «явь», а «метины» влюблённости тают, увядают. Но Господи! Как же не хочется верить, что это прекрасное цветение только для продолжения рода!

Втроём – на ближайшие возвышенности!

А трава на взгорьях еще не зазеленела, лишь в лощинах... но уже выпорхнули желтые веселые первоцветы. И Линке с Лидой хорошо, – вижу! Ну да, ведь они – одного возраста, им надо радоваться, вот и пусть ищут эту радость, пусть.

– Девочки, оставайтесь-ка здесь, на этой лужайке с первоцветиками, а я...

– А ты опять – в библиотеку?

– Опять, Линка. Кое-что интересное там нашла.

– Иди, иди, да не зачитывайся. Скоро ужин, а после него – мероприятие в актовом зале затевают. Веселиться будем! До упаду.

– Это хорошо, до упаду... А пока – пока!

В дневник

«Знак беды» Василя Быкова¹³. Степанида, Петрок... Они – жилы, на которых держится наша жизнь.

Ах, какой же трагедийной будет наша литература! Только б нашлись таланты, умеющие написать обо всем, что пережили такие, как герои Быкова».

¹² Владимир Набоков (1899—1977) – выдающийся русский писатель, поэт, переводчик, литературовед. После переворота 1917 года эмигрировал за рубеж.

¹³ Василь Быков (1924—2003) – советский и белорусский писатель, общественный деятель.

И всё же, ну что даст мне в будущем вот это, только что написанное? Но пишу, пишу... Нет, что-то еще консервировать сейчас не буду, а вот к старенькому...

«Мы сидим со Стасом на обновлённой после зимы голубой лавочке в уютном тихом «Круглом» скверике в тени цветущих лип, и он читает недавно написанное:

*И зелены да будут зелены,
И смех да будет солнцем осиянен,
И пусть пребудет вечной доброта,
И россыпь рос, роящаяся зыбко,
И очерк малахитовый листа,
И колоса янтарная улыбка.
И полдень стройный, как полет стрелы,
И облаков вселенское величье,
И бескорыстность страждущей пчелы,
И безыскусность этой песни птичьей...*

Да, конечно, его мироощущение было глубоко поэтическим, поэтому и меня воспринимал как образ, временное вдохновение, а я, если и не понимала этого, то чувствовала... Чувствовала и боялась, но всё же...

Ну вот, а ты бубнила: зачем, мол, эти записки?

Привет, Ядвочка! Что-то давно не заглядывала... Да, бубнила, но вот...

А теперь даже у моря сидишь со своей консервацией, вместо того, чтобы...

Но зато как же ярко вспыхнуло то, что могло навсегда кануть в Лету! Нет, схватывать и удерживать мгновения жизни это... Это здорово.

Линка только что пришла с «мероприятия»

– Кажется, эта наша поездка просто нелепость.

Да-а, что-то случилось. Не только волосы её взлохмачены, но и сама. Спросить в чем дело? Нет, пусть сама скажет... если захочет.

– Может, и нелепость, – улыбаюсь.

– Вот моя соседка-домоседка Меньковская сказала как-то, что без «своих» и дня прожить не может, а я...

– А ты уезжаешь от своих искать чего-то, где-то...

– Ага. Чего-то, где-то. Правда, спросила как-то Антона: «Старик, это плохо, что иногда бросаю вас?» А он лишь усмехнулся: «Да нет...»

– Вот видишь, а ты...

– А что я? Если б отвечал так же и на мой вопрос: ты обидишься если не приду к тебе и завтра, и послезавтра?

– Да забудь ты об Антоне хоть на несколько дней! Что, и на «мероприятии» ничего не отвлекло от него? – попыталась слегка подтолкнуть к тому, чтобы поделилась впечатлениями. И удалось. Она с бросила своё нарядное платье, стёрла с губ помаду, бухнулась на кровать:

– Отвлекло. Пристал один. Высокий, вроде бы даже и красивый. – Помолчала, словно заново оценивая его красоту. – Приглашал в ресторан, обещал манну небесную.

– И польстилась... на манну?

– Да нужна она мне! – фыркнула в потолок.

– Что так? – уже и рассмеялась. – Ведь не только манна, но и красивый, высокий, так что подумай, может и...

– Что «и»? – хлопнула ладонями по пледу: – Что может быть между мной и им, если у меня не только Антон, но и дети. – И, отвернувшись к стене пробурчала: – Разве смогу бросить их?

Нет, мои смешки пришлись ни к месту и ни ко времени, надо замолчать.

В дневник

«Что за блаженство сидеть на балконе, подставив себя солнцу и слушать шум моря! Как же дурманяще пахнет потревоженной зеленью, дымком костра, землей... Закрывать глаза и только слушать? Ага. Птицы чирикают, щебечут, поют... а вот кудахчет курица, лает собака. И сколько же тихой, но озорной радости в каждом живом звуке!.. А можно и вот так, всматриваясь: как горы то манят голубоватой поволокой! Наверное, и те, где Волошин, такие же. Да-да, он где-то недалеко, рядом, вот только выберу денек и поеду к нему, в Коктебель».

Вчера-то опять весь день море щетинилось, бесновалось, а утром – полный штиль, у берега болтаются медузы, и вода голубая-голубая!

– Как в бассейнах Индии, – Линка стоит у ластящихся волн, перебирая на ладошке отполированные камешки. – Голубая вода, как в тех самых бассейнах, которые еще помню... и которые подарил мне Антон, заняв денег у сестры. – Поднимает еще один голыш и, забраковав, кидает в воду: – И была Индия для меня самым дорогим подарком.

– Вот и цени это, а не...

А она закрывает глаза, глубоко вдыхает насыщенный морской свежестью воздух, стоит так какое-то время вспоминая, наверное, те самые бассейны. Ну зачем я прервала её сладкие грёзы?

– А что «не»? – Словно опомнилась и взглянула почти дерзко: – Теперь должна за это всю жизнь «исполнять женин долг»?

– Нет, конечно, но...

Нет, не надо мне было возвращать её из Индии.

– Вот я и выбрала пока «но».

Из дневника

«Брат где-то достал, отпечатанные на машинке, сочинения русского философа Владимира Соловьева и сегодня читала его «Смысл любви»:

«Познавая в любви истину другого не отвлечено, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особенности, мы тем самым проявляем и осуществляем свою собственную истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить за границы своего фактического, феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом».

Да-а, молодец, что тогда переписала это. Ведь как раз сейчас и подсказывает, что убегала я от Стаса, боясь выпорхнуть «за границы своего фактического, феноменального бытия».

А, может, не хотела терять эгоистическую свободу и «жить не только в себе, но и в другом»?

Может быть. Но ах, если б знать, что жить с этой «эгоистической свободой» зачастую будет так муторно и тоскливо!

Она тихой кошечкой приоткрывает дверь, проскальзывает мимо и, светясь улыбкой, садится на краешек койки. Давно не видела её такой красивой, – светится! И что это с ней?.. Но не спрошу. Пусть сама раскроет тайну своего свечения, если захочет.

Но нет, только опять по кошачьи, потянулась, прилегла. Нашкодила?.. И всё равно не спрошу, а буду делать вид, что вся – в чтении:

«И тогда я почувствовал благодать мира, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и понял, что радость, которую искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду...»

– А я в ресторане была, – вдруг слышу через «радость» строк Набокова.

– И с кем же это мы?.. – пока не поднимаю глаз, перелистывая страницу.

– А мы... а с Серёжей я.

– С тем самым, красивым и высоким?

– Ага.

– Ну и как, – уже смотрю на неё, улыбаясь, – надеюсь, за ресторан расплачивался он? – и продолжаю тягуче улыбаться: поймёт ли, что имею в виду под расплатой?

– Он, он! – Поняла! – Пока не волнуйся, но...

– Линка, что значит «пока», а заодно и «но»?

– А то «пока», что Серёжа очень порядочный, сдержанный и не намекал даже, что за это приглашение должна ему что-то.

– Хорошо, с «пока» разобрались, а с «но»?

И тут Линка вдруг увяла, – куда девалась её светящаяся красота, куда улетучилась, в какие сферы вспорхнула? Не надо было настаивать на раскрытии тайны «но», лучше б – в неведении...

– Слушай, Аннуш... – шипящим «ш-ш» зашуршали Линкины слова сквозь мои сомнения, – а вдруг я влюблюсь в него и потеряю голову?

Так вот она чего!

– Влюбиться... Это, конечно, здорово! – всеми своими интонационными красками одобрила перспективу. – Но ведь опять же обязательно и тут же долбанёт это проклятое «но»!

– Ой, долбанёт! Ой, уже и долбануло, потому-то и...

– Ладно, Линка, удави ты это нахальное «но» хотя бы на недельку, удави и отбрось от себя, а там...

– А там? – жалко взглянула. – Ведь там Антон с детьми.

– А там... Дело видно будет. Кстати, ты написала ему письмо?

– Почти, – снова загрустила.

– И что значит «почти»?

– А то почти, что хочу с тобой посоветоваться: оставить ли в нём вот такие строчки? – Вынула из сумочки помятый листок, расправила на коленке: – «И дело, Антон, не в том, что ты пнул шкаф ногой, а в том, что даже не вышел, чтобы проводить меня. Неужели до такой степени я стала тебе невыносима только из-за того, что... Ты знаешь, о чём я, хотя и можешь сказать: ты, мол, не нашла полотенце вовремя. Но тогда возникает вопрос: почему в Киеве бузина, а в огороде дядька...»

– Честно говоря, не поняла: при чем тут бузина, дядька, но... Но знаешь, есть в этом вопросе что-то. Оставь.

И на другой день она отослала письмо.

В дневник

«Всё так же пасмурно, холодно и уютно. И всё такие же грязные, лохматые волны с бильярдным аккомпанементом катают и катают гальку у самой кромки, а сапиенсы ходят закутанные и хмурые. И почему они так не интересны мне?»

Да нет, каждый, поди, чем-то интересен, это в тебе...

Да-да, это в меня вселилась какая-то наболевшая пустота. Как, выселить её? Владимир Набоков, помоги!

«...И тогда я почувствовал благодать мира, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость. Благодатное волнение, подарок, не оцененный нами.

В вагоне трамвая люди сидели нахохлясь, сонно покачиваясь. Черные стекла были в мелких, частых каплях дождя, будто сплошь подернутое бисером звезд ночное небо. Гремели мы вдоль улицы, обсаженной шумными каштанами, и мне все казалось, что влажные ветви хлещут по окнам. А когда трамвай останавливался, то слышно было, как стукались наверху об крышу срываемые ветром каштаны: ток – и опять, упруго и нежно: ток... ток... Трамвай трезвонил и трогался, и в мокрых стеклах дробился блеск фонарей, и я ждал с чувством пронзительного счастья повторения тех высоких и коротких звуков. Удар тормоза, остановка, – и снова одиноко падал круглый каштан, – чуть погодя падал и второй, стучаясь и катясь по крыше: ток... ток...»

Боже, пожалуйста!.. научи меня вот так же впитывать настоящее и радоваться ему!

Сегодня – штиль. Море голубовато-зеленое, радостно-приветное и-и – до бесконечности! И любимся мы им, стоя среди останков городища. Правда, больше люблю я, а Линке с Лидой интересней прыгать с останков стены на останки фундамента, издавая при этом победные кличи.

– Девочки, резвухи вы эдакие, да остановитесь, взгляните на море. Какое же оно сегодня бирюзово-зовущее!

Приостановились, взглянули, – больше мне в угод, – и опять... От растревоженной под их ногами зелени повеяло вереском, полынью, и почему-то этот запах, похожий на благовоние, расширил во мне ощущение времени: сколько ж в этой земле Крыма пластов истории! Да-да, я уже начинаю ощущать себя в каком-то другом измерении, в другом временном пространстве и сквозь дымку различать...

– Ну всё, хватит! – Линка, с еще не угасшим азартом в глазах, падает на робко пробивающуюся травку: – Давайте немного полежим вот здесь, а потом спустимся к морю, уж очень оно сегодня и впрямь голубое.

Из дневника

«Вчера шли со Стасом по парку, и он всё говорил и говорил: зачем убиваю в себе любовь, чего боюсь? А я молчала, не зная, что ответить, но каждое его слово, улыбка, жест – всё наполняло меня счастьем».

«Стас хотел прийти к нам, чтобы обмыть свой, только что вышедший сборник стихов, а я... Я уехала к маме. Чего испугалась, почему? Снова не знаю ответа».

Но теперь-то знаю, знаю! Боялась не только раствориться в нём, но и... Ведь уже тогда подсознательно чувствовала: стоит только волшебному чувству влюблённости погрузиться в быт, как оно рано или поздно размоется, исчезнет... как у Линки, вот и сопротивлялась этому.

– И куда это мы собираемся ежели не секрет? – с улыбкой смотрю на Линку, заканчивающей легкий макияж, но тщательно подкрашивающей губки.

– Так... Просто так побродить по окрестностям. – Вроде бы для окрестностей помада и не обязательна...

– Ведешь следствие? – улыбается. – А я и не думаю скрывать, что иду с Сережкой.

– Ну-у, ежели с Сережкой, то оно конечно... – Улыбка её тает, и она вроде бы готова слушать мой комментарий. – Да нет, – успокаиваю её, – броди по окрестностям с Сережкой и подкрашенными губками, чего уж там! Тебе это просто необходимо. – Расслабляется, но вижу: еще не верит в мою искренность, и тогда спешу успокоить: – Нет-нет, Линоча, я не шучу, я су-урьёзно.

Ну вот, поверила. Повеселела и даже сразу похорошела и ушла. А мне что, снова – к дневникам?

Д-а, отдыхать надо умеючи, а я похожа на ту лошадь, которая крутила лебедку, поднимая породу из шахт, а когда её отпускали, всё равно – кругами, кругами...

Скучно тебе здесь без любимой работы, без домашней рутины и даже...

Слушай, Ядва, не раздувай угли!

Ну, тогда с удовольствием перечеркни на календарике уплывший восьмой день и-и опять – к дневнику.

«Ездила в Бахчисарай. С экскурсией. Хотела и Линка, но вчера они с Лидой поздно возвратились с «мероприятия», так что утром, не просыпаясь, махнула рукой: не поеду, мол...

Спускаемся в Судакскую долину. Лужи затянуты ледком, быстро наступающий рассвет гонит тёмные, лохматые тучи за горы, за их седые от снега вершины. Сама-то долина еще серо-коричневая, с ровными рядами низких, корявых виноградных лоз, но вот пики вокруг неё вдруг озаряются розовым светом восходящего солнца, а над ними распаивается еще темноватая бирюза неба с быстро летящими, окаймленными таким же розовым сиянием, облаками. Неведомая, восторженно-мистическая красота!

Дворец хана Гирея¹⁴. Серый, ободранный, – словно декорации провинциального театра.

«Фонтан слез» – без слез. «Не работает», и поэтому он – только скелет образа, что сложился в юности, когда читала «Бахчисарайский фонтан» Пушкина.

Скальный Успенский монастырь. Необычен, величественен... но почему так тревожно? Может, от присутствия души тех, кто жил здесь, молился? Может, и сейчас страдают они и жалуются, что стены исцарапаны, исписаны, глазницы у святых выдолблены и смотрятся провалами, а на поблекших ореолах читаются имена тех, кто здесь побывал. Идут и еще туристы. Нет, не хочу!.. Но валяются. И уже какой-то шустрик взбирается под нишу бывшего окна и ржет, зазывая к себе остальных. А я смотрю на покосившуюся постройку, на бывшие покои настоятеля, на поросшее крапивой кладбище... На могильниках мусор, хлам. Хлам и на мраморной плите офицера, послужившего Толстому¹⁵ прообразом Вронского».

Хотя пасмурно и сыро, но всё равно – к морю.

– И почему ты любишь такую погоду, Аннуш?

Линка кутается в длинное чёрное пончо, отворачиваясь от расходившейся стихии и грустно взглядывает на меня.

¹⁴ Гирей – династия ханов, правившая Крымским государством с начала XV века до присоединения его к Российской империи в 1783 году.

¹⁵ Лев Толстой (1828—1910) – один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, просветитель, публицист, религиозный мыслитель, автор «Войны и мира» с главным героем Вронским.

– Да не сказать, что так уж люблю, но знаешь... Пасмурные дни сужают моё пространство, успокаивают, а в солнечные всегда кажется: надо куда-то бежать, что-то делать.

– Странная ты. А по мне...

– А по мне, – перебиваю её, – что-то сегодня ветер уж очень холодный и пронизывающий, да и волны слишком зло хлещут берег, вот-вот накроют и нас стаей брызг. Не вернуться ли в номер?

– Смотри, луч солнца! – вдруг вспыхивает Линка.

– Ну да, солнце. Но его луч как прожектор... Блуждает, выхватывает белые пятна пены... пены, как у взбесившейся собаки, так что...

– Ну, ты даёшь... – Она недоумённо взглядывает: – Как у взбесившейся собаки, – и хихикает.

Тогда смягчаю свои эмоции:

– Да и голодные чайки бродят по парапету, ожидая попрачек, а у нас для них ничего нет, так что пошли-ка в номер.

Сегодня у библиотекарши были заплаканные глаза, да и лицо... словно маска страдания. Но позади неё улыбался алый цветок и когда она заметила, что я люблюсь им, тихо сказала:

– Его кто-то выбросил, – и губы её попытались улыбнуться: – а я принесла домой и вот он... отблагодарил меня... зацвел.

А я, благодаря ей, прочитала и выписала об Эросе¹⁶... или Эроте, как называли его древние греки-философы вот такое:

«В телесном и духовном смыслах Эрот – демон, одухотворяющий людей в их влечении к истине, добру и красоте, залог могучего стремления мужчины к самозавершению и бессмертию, которое он реализует в продуктах человеческой деятельности и потомках».

Как же кстати попались мне эти строки! Значит, эротические чувства одухотворяют мужчину не только для продолжения рода, но и для творчества, и даже для творчества – в первую очередь. Прочту Линке, может, подскажут и ей что-то мудрые греки.

И вот идём с ней по шелестящему влажному настилу гальки, то и дело омываемому очередной волной, и мелкие брызги словно из пульверизатора освежают лица, овевают запахами водорослей. Но сегодня что-то грустна Линка и всё молчит, молчит. И о чём думает? Об Антоне или о высоком и красивом Сереже? А он и впрямь красив, – как-то показала мне его издали, – так что, если бы моложе была, то... А что «то»? Сейчас – не обо мне. Спросить, о чем она... а, вернее, о ком думает?

– Если не секрет, то об чём молчим?

– Так, не о чём, – поднимает очередной приглянувшийся голыш.

– Ой-ли! – поднимаю и я. – Так выразительно не о чём не молчат, Линочка.

– Что значит «выразительно»? – останавливается и смотрит в глаза.

– Ну, это значит, что задумчиво, понуро, безрадостно, – играю интонацией, – печально, уныло, горестно, – строю такую же мину, – а еще скорбно, сумрачно, невесело... ой, а еще меланхолично, минорно, элегически...

– Может, хватит? – всё же улыбнулась.

И то хорошо.

– Так что выберешь из предложенных синонимов?

– А, пожалуй, минорно.

¹⁶ Эрос, Эрот – божество любви в древнегреческой мифологии, обеспечивающего продолжение жизни на Земле.

– Ну, что ж, минорно так минорно. И об чём... или о ком миноришь, если опять же не секрет?

– Нет, не секрет. И об Антоне, и о Сережке.

– И как умудряемся совмещать? – делаю шаг, чтобы и её увлечь во-он к тому огромному валуну у самого берега, что так похож на собачий профиль.

– А я и не совмещаю. То об одном, то о другом. Но вот прицепилась мыслишка и не отстаёт: ну, допустим, уйду я от Антона, выйду за Сережку...

– А что... уже? Так далеко зашло? – и даже приостанавливаюсь.

– Да нет, не «уже», и не «зашло», а просто предполагаю: ну, уйду от Антона, выйду за другого и что? Может, и он таким же окажется.

– Может, и «может», – улыбаюсь, ободряюще.

И снова иду, посматривая на валун: как же похож отсюда на профиль моего любимого Вильки! И уши его, и мордочка короткая... и куда тогда запропастился, покинув меня?

– А раз «может», то ничего быть не может, – вдруг отсекает спутница моего Вильку.

– Линочка, с кем не может?

– С кем, с кем... Ни с тем, ни с другим.

– Ну, «с тем»... если это Серёжа, всё просто: уедешь, да и дело с концом, но как тебе быть с «другим»?

Линка снова останавливается, подходит к самой воде, но набегающая волна грозитя дотянуться до её ног, и она отступает:

– А с Антоном еще не знаю «как». Может, посоветуешь? Ведь у тебя, Аннуш, опыт...

– Линка, опыт-то есть, но мой не может пригодиться всем подряд, ибо люди разные, а вот подсказать что-то... – И достаю свой блокнотик. – Послушай, что в библиотеке выудила: «В телесном и духовном смыслах Эрот – демон...»

– Может, Эрос?

– Эрос, Эрот... Греческие философы утверждали, что это – одно и то же лицо... если можно так о них сказать. Так вот: «Эрот – демон, одухотворяющий людей в их влечении к истине, добру и красоте, залог могучего стремления мужчины к самозавершению и бессмертию, которое он реализует в продуктах человеческой деятельности и потомках».

– Ну и?.. – не поняла.

– А то «и»... Если мужчина перестаёт стремиться к истине, добру и красоте, реализуя всё это «в продуктах человеческой деятельности», то остаётся в нем что? – спрашиваю с интонацией учителя к ученику.

– А остаётся ему реализовывать себя в потомках, – смотрит на меня, как смекалистая ученица.

– Молодец, моя девочка! – смеюсь.

– Ой, только не надо, не надо меня – девочкой! – словно отстраняет ладонью.

И уже идёт прямо по гребню намытой волнами гальки, непременно наступая на остриё гребня и молчит. Рушит гребень и молчит.

– А при чём же эти маленькие несчастные голыши, которые топчешь так безжалостно?

– Они не при чём. Я не при чём. Ты не при чём. Антон не при чём. А кто – при чём? – останавливается, резко оборачиваясь. И глаза у неё!.. Нет, уже не карие, а темнью-ющие.

Не к добру это.

В дневник. «Ездила в Феодосию

Серо, зябко. У причала – корабли. Волны остервенело хлещут берег и в них, то взлетая на гребнях, то прячась, мечутся буйки – обелиски погибшим морякам.

И вьются, вьются над ними чайки... словно неуспокоенные души моряков.

Дом Айвазовского¹⁷, его картины – чудо! Особенно – «Среди волн». Нет, не могу понять: как сумел художник так!.. передать прозрачность воды!

Музей Александра Грина¹⁸. В углу – нос бригантин, на стенах – канаты, из них же – узлы на носу парусника. Зачем? Для чего в музее писателя – декорации театра? И туристов, как селенок в бочке, – ни-чего не рассмотреть.

Дорога назад – через Коктебель¹⁹. И над морем вдруг – вершина с могилой Максимилиана Волошина. Высоко, обрывисто! И сжалось сердце... Будто кто-то близкий – там».

Мы еще нежимся в постелях, ибо спешить некуда – небо снова затянуто, море беснуется. И я перечитываю странички из Набокова, Линка шепчется о чем-то с Лидой, но иногда они тихо смеются, строят рожицы, а вот сейчас она поднимает свои стройные ножки и делает ими круговые движения... как и каждое утро, и это значит, что скоро встанет и займётся утренним туалетом. Но вначале уходит умыться Лида, а Линка спрыгивает с койки, бесцеремонно выхватывает у меня книжку, закрывает, и подсаживается на краешек кровати:

– Аннуш, хватит читать, лучше послушай живого человека, который... Сон я видела странный, может, разгадаешь?

– Линка, – прощаю ей бесцеремонность, – я не верю снам и, естественно, не умею их разгадывать, но давай, рассказывай, а вдруг и выдам что-либо.

– Сидим с Антоном на берегу мутной, широченной реки, другого берега не видать! – И замолкает, смотрит в окно, словно и сейчас высматривая другой берег. – И вода в реке прямо вровень с берегом! И несёт мимо нас какой-то мусор, сучья деревьев, обрезки досок... – Замолчала. Еще что-то хочет высмотреть? – И сидим мы так, что я не вижу его, а только слышу. – Лицо грустнеет, глаза темнеют: – А еще слышу и другой голос, женский. И она, эта невидимая женщина, уговаривает Антона пойти за ней, манит, зовёт... – Линка, ау! Не улетай туда, в свой сон, вернись, я здесь! И она возвращается, но со странноватой улыбкой: – Но Антон молчит.

– И весь сон? – улыбаюсь рядовой улыбкой, что б и она...

– Весь. Больше ничего не помню. – Ну да, Линка возвратилась, она уже прежняя: – И как, что думаешь о моём сне?

– Ой, даже и не знаю... – И впрямь, ну что сказать то? – Но, если веришь в сны, то хотела бы посоветовать эту манящую женщину не воспринимать как женщину, а...

– А как мужчину? – уже хихикает.

И это хорошо. Пусть лучше вот так...

– Ну, не как мужчину, а как ситуацию, в которой вы с Антоном сейчас прибываете, и из которой тебе надо выбираться и решать: что же делать?

– Решать, решать... – резко подхватывается: – Не хочу сегодня ничего решать! Мы с Лидкой вечером идём развлекаться.

– Только ли с Лидкой?

– Нет, не только, – и глазки её вспыхивают. – Серёжа с другом нас в ресторан пригласили, так что...

– Рада за тебя, но...

– Да не будет никакого «но», не бойся! Просто мне с ним весело и легко.

Уговорила Линку поехать со мной в Старый Крым, в Керч, в каменоломни Аджимуш-ка²⁰ и вот... Всё серовато-коричневое, – горы, поля, мелькающие деревья, нестройные ряды

¹⁷ Ив́ан Айвазо́вский (1817—1900) – всемирно известный русский художник-маринист, баталист, коллекционер, меценат.

¹⁸ Алекса́ндр Грин (1880—1932) – один из первых в отечественной литературе писателей, кому удалось создать одновременно реалистичный и полный романтических фантазий мир.

¹⁹ Коктебе́ль – посёлок городского типа на востоке Крыма, там жил и похоронен Максимилиан Волошин.

²⁰ Аджимушкайские каменоломни – подземные каменоломни в черте города Керчь.

виноградников, – ни одой яркой краски! Воображение, помоги! Окрась всё в яркие весенние цвета!.. Нет, не помогло. Да еще эти, мелькающие за окном, обшарпанные стоянки, ободранные дома, хлам у обочин, на улицах... Закрыть глаза и вздремнуть? Да и Линка уже не смотрит в окно и скучает.

– Давай вздремнём, – закрываю глаза. – Но ведь должно же быть что-то интересное там, в Керчи?

Нет, вздремнуть не получилось и уже читаю Волошина:

Старинным золотом и желчью напичкал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры,
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры,
В огне кустарники, и воды как металл...

В долине, среди еще не оживших виноградников, бывшие владения князя Потемкина²¹.

«Пять лет назад стоял здесь минарет, – гид, – а сейчас от него осталось только основание, и забор соседского дома выложен из его камней. Правда, сохранилась входная дверь, на ней еще проступает резной орнамент и письма, восхваляющие хана». И рядом – старая шелковица, почему-то обожжённая огнем.

– Запустение, разруха, – Линка ёжится, хмурясь: – И зачем согласилась... с тобой?

– Не грусти. Еще поедим к писателю Грину, поинтересней будет.

И вот и домик Грина... Три комнатки. В первой – кровать, напротив – стол с бронзовой собакой; во второй – железная печка, рядом – пожилая женщина с черным котом на коленях. Почесать его за ухом?... И третья – с портретом Грина, под которым поднос с камешками и самовар, а над ним – фотография Волошина. Да, и он бывал здесь.

А во дворе – бюст Грина.

– Какой же большой и громоздкий! – И Линка уже вчитывается в слова на мраморе.

– Ну да, ты права. Бюст огромный... рядом-то с этой крохотной хаткой.

Белая мраморная плита – на могиле, а из-под неё – изогнутое, выкрученное деревце крымской алычи.

– Смотри, – опять, Линка, – это деревце словно вырывается из-под плиты!

– Да, наверное, на семи ветрах росло... как и Александр Грин.

Но как же весело трепещут на нём, искривлённом, алые лоскутки, галстуки, красные ленточки!

А вот и каменоломни... Восемнадцать тысяч взрослых и детей прятались в них от фашистов, но почти все нашли смерть. И детское кладбище здесь же, а на мраморных плитах – игрушки. Спросила у гида: а что сделал Сталин, когда узнал о затворниках Аджимушкай? «Он наложил резолюцию: „Город предателей“, и о Керчи нельзя было даже упоминать».

В дневник

«У самой воды, на гальке – уточка-нырок. Подожди, не уходи! Но она встаёт и, прихрамывая, ковыляет к волнам. А они – наглые, лохматые! – бьют и бьют о берег галькой. Бесятся! Но откатились. И уточка – с ними. Где же она?... Да вот, всплыла. Одиноким тёмным комочком. Но грязная пена взрывается, гребнем нависает над ней и она, словно спасаясь её злобы, снова ныряет в колышущуюся водную стихию.

²¹ Григорий Потёмкин-Таврический (1739—1991) – русский государственный деятель, создатель Черноморского военного флота и его первый генерал-фельдмаршал. Руководил присоединением к России и первоначальным устройством Таврии и Крыма.

Каково-то ей там, в холодной, мятущейся массе? А, впрочем, вода – её мир, а я – в своём... и тоже мятущемся».

Завтра мы уезжаем, а сегодня прощались с Лидой, и она оставила Линке свой адрес, на что моя подруга потом фыркнула:

– А зачем он мне... её адрес?

– Ну, как же... Мило болтали, по ресторанам ходили, вот и надо...

– Не надо, – прервала, словно отрезала, – не люблю этих, медленно рвущихся нитей-связей, лучше сразу: р-раз и всё.

– Учту на будущее, – усмехнулась, – а то как-нибудь стану приставать с письмами, а они тебе...

– А может, твои нужны будут, – снова прервала, словно заранее поспешив извиниться, – а с Лидой... Болтать с ней было легко, а вот что-то почерпнуть...

– Однако, корыстная ты особа, – рассмеялась, польщенная её предположением о нужности моих будущих писем: – И приму к сведению это твоё «что-то почерпнуть». Кстати, может, и сейчас хочешь, а то я тут...

– Не, не сейчас... Не получится. У нас с Сережкой «прощальный бал», так что побереги для дороги.

– В каком вальсе и где будете кружиться?

– Не знаю. Сказал, что сюрприз.

– И не боишься сюрприза?

– Нет. Он – отличный мужик.

– Ну-ну... Желаю тебе вечера без сюрпризов... при обещанном сюрпризе.

Из дневника

«Владимир Соловьев: «Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется любовью. Любовь, как упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности».

Так ведь потом, живя со Стасом, я и пробовала уходить от эгоизма, уважая и поддерживая его стремление писать стихи, чтобы помочь ему утвердиться в самом основном и столь необходимы для жизни мужчины искусстве Эроса – влечению к истине, добру и красоте, залогом «могучего стремления к бессмертию», а он... А он бросил писать. И смолк в нём тот самый «демоном, одухотворяющий», который так прельщал меня. Вот тогда-то и начались наши семейные драмы... как и у Линки.

«Стас обедает... А я рядом, на нашем диванчике кухонном, поджав под себя ногу, сторожу молоко на плите. Еще не кипит?.. Эти мои короткие «спортивные» брючки никак не дотягиваются до носков!.. И скоро ль закипит? Нет ещё. Ну, тогда успею так это запросто, вот на этой одной ноге, и бухнуть ему всю правду-матку:

– А почему я должна приходить к тебе по первому твоему желанию? – Молчит. Ну, тогда вперед! – Вот если бы ты был в состоянии обеспечить семью, чтобы жена не работала... – Не вскинется ли? Нет, проглотил вместе со щами, но насторожился. – А, впрочем, подчинилась бы и тогда? – Усмехнулся саркастически. Но молчит. Обнаглет? Ага. – А так... Лямку быта тяну почти одна, зарплаты у нас с тобой равные, так что ж и подчиняться-то еще буду... в этом?

Поднялся. Подошел к раковине. Моет тарелку. Кажется, вымолвить что-то собирается:

– Не христианский у тебя подход к идее семьи, совсем не христианский.

Во как. Ну, зачем он – о «христианском подходе» и дальше? Ведь не получит поддержки... да и молоко как раз... Но домыл и чашку. Потоптался. Ушел к себе.

Что будет дальше?»

А дальше было всё хуже и хуже, пока... Но нет! Не хочу больше о том, что было, лучше попробую написать о поездке в Коктебель, к Волошину.

«Иду к дому Волошина...» Кажется, у него есть строки о доме: «Мой дом открыт...» Или раскрыт? Может в моём томике оно есть?.. Нет, нету. Ладно, вернусь домой и по Интернету найду. «Но почему во мне – робость? Дворик, его бюст и ни-ко-го! Но вдруг – женщина: „Вам открыть дом?“ И уже не робость, а только волнение...»

А что еще там видела? Его книги, фотографии Сабашиниковой. А ведь у него есть посвящения ей, хорошо бы сюда – хоть одно... Нет, писать о Волошине без его стихотворений нельзя, а поэтому... Напишу-ка дома.

– Ах, Линка, ты заставила меня поволноваться. Неужели нельзя было раньше...

– Раньше не получилось, – пританцовывая и с неувядающей улыбкой она прошла к своей койке, присела. – Прости.

– Всё прощалась и прощалась со своим красавцем, да? – попробовала пошутить. – Но она, всё так же улыбаясь, не ответила, а я, не остыв от чтения дневниковых записок, зачем-то попыталась подсунуть ей свои недавние размышления об Эросе: – А ведь так, как ты сейчас... улыбаются только счастливые женщины, в которых вспыхивает свет от мужчины, исполнившего один из главных искусов Эроса в его стремлении...

– Ах, отстань. Не хочу знать: исполнил Вадим, не исполнил хоть один искус Эроса! Просто мне с ним было хорошо...

– Ну да, – не отстала я, – было хорошо потому, что скоро расстанетесь и всё.

– А, может, и не всё, – рассмеялась она, – может, это – только начало, которое...

– Ли-инка... – прервала я и даже пальцем пригрозила: – Учти, начало всегда бывает удивительным и завлекающим, а потом... Кстати, а кем работает Вадим?

– Да он в банке... кредитным менеджером.

– О, да, профессия... Правда, не знаю, имеет ли отношение к искусствам Эроса, но зато денежная.

– Ой, ну, пожалуйста, не иронизируй... и не напоминай хотя бы сейчас об этих навязчивых искусствах твоего Эроса!

– Линочка, – рассмеялась я: – Эрос не мой, он – для всех...

– Для всех, не для всех, но не для меня... хотя бы сейчас! Умоляю!

И взглянула на меня так, что я поняла: нет, не надо было лезть к ней со своей философией, ведь в такие минуты женщине никто рядом не нужен и она хочет оставаться только с собой... и с ним.

– Хорошо, Линка, – всё же сдалась. – Давай спать.

И она встала, раскинула руки, словно собираясь взлететь, но постояв так с секунду, почему-то вздохнула и стала раздеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.